

ТЕКСТ И ЕГО ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ

Проанализирован текст как своеобразный лингвистический феномен. Приведены дифференциальные признаки текста: 1) обязательная прагматическая направленность; 2) формально-конструктивная завершенность как целостного речевого произведения; 3) ситуативно обусловленная степень нормативности. Показано, что функции текста может выполнять практически любая синтаксическая единица – от слова и словосочетания до предложения и сложного синтаксического целого.

Ключевые слова: текст, синтаксическая единица, дифференциальные признаки, завершенность, прагматическая ориентация, нормативность.

Меньшиков И. И., Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара. **ТЕКСТ ТА ЙОГО ДИФЕРЕНЦІЙНІ ОЗНАКИ**

Проаналізовано текст як лінгвістичний феномен. Наведено диференційні ознаки тексту: 1) обов'язкова прагматична спрямованість; 2) формально-конструктивна завершеність як цілісного мовного твору; 3) ситуативно обумовлений ступінь нормативності. Показано, що функції тексту може виконувати будь-яка синтаксична одиниця – від слова та словосполучення до речення і складного синтаксичного цілого.

Ключові слова: текст, синтаксична одиниця, диференційні ознаки, завершеність, прагматична орієнтація, нормативність.

Menshikov I. I., Oles Honchar Dnipropetrovsk National University. **TEXT AND ITS DIFFERENTIAL SIGNS**

The proposed paper deals with the analysis of the text as a peculiar linguistic phenomenon with its clearly identified differential parameters, pointing at: 1) obligatory pragmatic orientation, 2) formal completeness as the speech work, 3) full correspondence to the grammatical norms, which are identified with the definite terms and conditions of the communication. Preconditions and terms of these parameters are considered and it is demonstrated that functions of the text with the pragmatic orientation given in it as the syntactic unit may be performed by any fundamental constructive formations – from one word and word-formation to the sentence, simple the same as compound, and to the majority of sentences, that may be qualified as the larger-than-the sentence in any combination of corresponding units. Particularly the named three differential parameters in complex give the opportunity to contrast the text as the syntactic unit with all another syntactic constructions that do not belong to the text.

Key words: text, syntactical unit, differential parameters, completeness, pragmatic orientation, norm correspondence.

Проблема текста, его онтологической и гносеологической сущности, в том числе объёма, границ и функциональных предпочтений, предметно поставленная лингвистами полвека тому назад, до сих пор дискутируется и не теряет своей актуальности. И это не случайно, поскольку текст – очень сложная лингвистическая и культурологическая категория, связанная с самыми различными сферами речевой деятельности человека, а потому и находящаяся под пристальным вниманием учёных, особенно обострившимся в общем и частном языковедении с 70-х годов прошлого столетия, когда лингвистика текста стала принимать характер особого научного направления в филологии. Предметом специальных исследований при этом долгое время были для большинства учёных только письменные документы,

литературно, по определению И. Р. Гальперина, обработанные и включающие в себя определённый комплекс предложений, несколько высказываний [5, с. 67], а понятие текста прямо ассоциировалось с понятием литературно-художественного произведения. Со временем, однако, круг проблем лингвистики текста существенно расширился. Текст стал рассматриваться в коммуникативном плане [2; 3; 7; 16–18], с точки зрения его внутренней организации [9; 13; 14], как лингвистическая, и в частности синтаксическая, категория [1; 6; 7; 15], а также в целом ряде иных аспектов, включая дидактический [4; 10; 12; 21–23], однако отношение к тексту как к некоему множеству коммуникативных единиц остаётся преобладающим. Преобладает ещё и культурологический подход к тексту, в особенности тогда, когда текст по тем или иным его параметрам соотносится, как это делает Н. Д. Арутюнова, с дискурсом [8, с. 136–137].

В предлагаемом исследовании текст рассматривается прежде всего как собственно лингвистическая фигура, как синтаксическая единица с её собственными дифференциальными признаками, противопоставляющими текст, как бы он ни был интерпретирован культурологически и что бы он ни представлял собой в субстанциональном плане, не только всем другим синтаксическим единицам, но и тем фрагментам (пусть даже очень большим по своему объёму) некоего документа, и в частности художественного произведения, которые текстом как компонентом системы основных синтаксических единиц не являются.

Синтаксический уровень структуры языка насыщен и даже перенасыщен различного рода метаязыковыми построениями системного и внесистемного характера, а наиболее значимым и функционально нагруженным из этих построений является, надо полагать, комплекс тех лингвистических конструкторов и речевых фигур, которые непосредственно находятся в компетенции грамматики и квалифицируются лингвистами в качестве основных синтаксических единиц в том или ином их терминологическом обозначении, зачастую, правда, без общепринятого их определения, а то и вообще без дефиниции. Парадоксально, но даже в такую совершенно, казалось бы, естественную иерархическую цепь основных синтаксических единиц, как **словоформа – словосочетание – предложение – сверхфразовое единство – текст**, не всегда и не безоговорочно вписываются два, причём самых существенных, на наш взгляд, её звена, каковыми являются **предложение** и предмет нашего исследования – **текст**. И в самом деле, предложение, как известно, может быть односоставным или неполным и, следовательно, состоять только из одного слова и поэтому оказаться структурно менее сложным синтаксическим образованием, чем словосочетание (*Похолодало; Здравствуйте! Куда?* и т. п.). Более того, не только полному двусоставному, но и любому сложному предложению можно в принципе противопоставить некую непредикативную конструкцию с большим количеством слов, в том числе и с несколькими предикативными зонами в виде, скажем, каких-то придаточных предложений.

Текст тоже может оказаться структурно менее сложным конструктивным образованием, чем предшествующие ему звенья приведенной иерархической цепи, и в частности сверхфразовое единство, т. е. сложное синтаксическое целое, которое состоит, как минимум, из двух предложений, а зачастую и из гораздо большего их количества. Текст же в целом ряде коммуникативных ситуаций строится и из одного предложения, иногда очень простого: *Во дворе злая собака*, – а иногда и довольно сложного, каковым является, например, такое стихотворение М. Ю. Лермонтова:

*Когда волнуется желтеющая нива,
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива*

*Под тенью сладостной зелёного листка;
Когда росой обрызганный душистой,
Румяным вечером иль утра в час златой,
Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо качает головой;
Когда студёный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится он, –
Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе, –
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу бога.*

Долгое время текст вообще не включался в систему синтаксических единиц и, следовательно, не привлекал к себе внимания специалистов в области грамматики. Отсюда, по-видимому, неполнота и некоторая расплывчатость в толковании этого лингвистического феномена различными учёными, в том числе и в толковании собственно лексикографическом. Так, в Словаре современного русского литературного языка приведены такие значения, а соответственно и связанные с ними дефиниции текста: «1. Сочинённая кем-либо связанная речь (напечатанная, написанная или запечатлённая в памяти), которую можно воспроизвести в том же виде. Бумага с написанным на ней авторским сочинением. 2. Содержание какого-либо словесного произведения. 3. Основная часть словесного произведения; авторское сочинение без комментария, приложений и т. п. 4. Отрывок из какого-либо произведения, обычно из Библии или Евангелия, предназначенный для проповеди, беседы, приводимый в качестве изречения и т.п. Отрывок из произведений словесности, предназначенный для учебных целей» [20, с. 193–194].

И через двадцать лет в Словаре русского языка приведены аналогичные формулировки, но первое значение слова *текст* подано с несколько иной акцентацией, уже включающей в себя некоторые синтаксические параметры толкуемой лексики, и подано это значение так: «1. Слова, предложения в определённой связи и последовательности, образующие какое-либо высказывание, сочинение, документ и т. д., напечатанные, написанные или запечатлённые в памяти» [9, с. 346].

О тексте как лингвистической фигуре и как синтаксической единице речь здесь, конечно, не идёт, не указаны и собственно лингвистические его параметры, но соответствующий уровень структуры языка всё же обозначен. Отсюда и настоятельная, на наш взгляд, необходимость дать на этот счёт некоторые разъяснения и более чётко обозначить дифференциальные признаки текста.

Предложение объективно не является предельной синтаксической единицей, в каком бы структурном оформлении оно ни выступало. Так, в схеме связанной речи, по Г. Я. Солганику, за предложением следуют такие конструктивные образования, как сложное синтаксическое целое, фрагмент некоего речевого произведения, его глава, часть и, наконец, всё законченное произведение [21, с. 84]. И, как минимум, первое из этих образований является уже канонизированным собственно синтаксическим построением, является синтаксической (грамматический статус четырёх остальных, как нам кажется, не бесспорен) единицей, большей, чем предложение. При этом объём и границы такого рода построений знаками препинания и даже абзацем могут не маркироваться. То же самое, очевидно, следует сказать и о тексте, поэтому толкование текста как некоторой последовательности предложений или каких-то иных синтаксических единиц мы принять не можем и не соглашаемся с ним самым категоричным образом, поскольку даже при квалификации текста главным образом как документа, и в частности как ху-

дожественного произведения, указанная последовательность – лишь возможный, пусть чаще всего проявляющий себя, но вовсе не обязательный параметр текста.

В реальной действительности мы сталкиваемся с массой собственно текстов (причём в лексикографической ли, специальной ли, бытовой или любой иной трактовке этого лингвистического феномена – неважно), которые состоят только из одного предложения и квалификация которых именно как текстов не подлежит никакому сомнению. И очень часто текстами, состоящими только из одного предложения, являются стихотворные произведения. Это, например, и приведенное выше стихотворение М. Ю. Лермонтова «*Когда волнуется желтеющая нива*», и «*Лісні солов'ї*» М. Рыльского, довольно большие, кстати, стихотворения, состоящие из нескольких строф, это эпиграммы, эпитафии, посвящения, рифмованные надписи на фотографиях и открытках, это и стихотворные произведения других жанров, написанные разными авторами и умещающиеся в одной фразе. Вот, например, несколько иллюстраций из пушкинской поэзии:

Сложное предложение усложнённого типа:

*Не то беда, Авдей Флюгарин,
Что родом ты не русский барин,
Что на Парнасе ты цыган,
Что в свете ты Видок Фиглярин:
Беда, что скучен твой роман.*

Простое предложение:

*Охотник до журнальной драки,
Сей упоительный зоил
Разводит опиум чернил
Слюною бешеной собаки.*

Из одного простого предложения состоит пушкинская «Эпитафия младенцу»:

*В сиянье, в радостном покое,
У трона вечного творца,
С улыбкой он глядит в изгнание земное,
Благословляет мать и молит за отца.*

Всё это, конечно же, тексты. Текстами, безусловно, являются и состоящие из одного предложения надписи типа *Минздрав предупреждает, что курение вредит вашему здоровью* на рекламных щитах. Более того, функция текста присуща вообще любой синтаксической единице, если она представляет собой то или иное прагматически сориентированное и завершённое речевое произведение. Текстом может оказаться сверхфразовое единство, как, скажем, пушкинское

*«Всё моё», – сказала злато;
«Всё мое», – сказал булат.
«Всё куплю», – сказала злато;
«Всё возьму», – сказал булат.*

Словосочетание или какая-то иная словесная конструкция на различного рода вывесках, указателях, табличках (*Железнодорожные кассы; Выход в город; Не курить* и т. п.) – это тоже тексты. Текстом в подобных ситуациях может оказаться одно слово: *Выход; Аптека* – и даже одна буква или цифра, скажем *М* или *7*, у входа в метро, на дверях определённого рода помещений или квартиры.

Последовательность же предложений или каких бы то ни было иных синтаксических единиц – это частный случай построения текста, равно как частным случаем построения текста является, скажем, одно слово.

Проблематичность толкования текста заключается ещё и в том, что каких-то обязательных структурных параметров, подобных, например, тем, которые характеризуют словосочетание и сверхфразовое единство (два или более полно-

значных слова; два или более предложения), у текста как синтаксической единицы, по-видимому, вообще нет, и состоять эта лингвистическая фигура в принципе может из любого количества и, видимо, любой последовательности самых разных единиц синтаксического уровня структуры языка. Дифференциальные признаки текста лежат, надо полагать, не в структурном его пространстве, а в коммуникативно-функциональном. И даже когда текст структурно идентичен предложению или сверхфразовому единству, он достаточно чётко им противопоставлен, существенно отличаясь от них. И отличие это состоит в следующем.

Во-первых, являясь подобно предложению и сложному синтаксическому целому в общем-то коммуникативным построением, текст создаётся целенаправленно с ориентацией на практический результат как в своём минимальном объёме, скажем, однословной надписи типа *ВЫХОД* в зале кинотеатра, так и в виде некоего произведения любой сложности и объёма. Во-вторых, текст, в отличие от других синтаксических единиц, в том числе от предложения и сложного синтаксического целого, всегда является завершённым в данной коммуникативной ситуации, законченным речевым произведением. К табличке или указателю с надписью *ВЫХОД* и к написанному на двери трансформаторного помещения предупреждению типа *Высокое напряжение* добавлять просто ничего не нужно. Свою коммуникативную и прагматическую функцию подобные речевые произведения реализуют в том виде, в каком уже представлены их создателями или пользователями.

В-третьих, наконец, речевая цепь, которой предопределено быть текстом и которая таковым по своей сути является, должна быть во избежание разночтений её прагматической установки определённым образом маркирована как нормативная в строгом соответствии именно с этой предназначенной ей установкой. И если фраза типа *Во дворе злая собака*, рассматриваемая как предложение, может быть трансформирована в любую форму соответствующей семичленной парадигмы (*Во дворе будет злая собака. Во дворе была злая собака. Была бы во дворе злая собака. Пусть будет во дворе злая собака* и т. д.), то эта же фраза, функционирующая в качестве текста, написанного на воротах, ведущих во двор какого-нибудь особняка, при заданной ей прагматической установке не может быть построена ни в будущем или прошедшем времени индикатива, ни тем более в сослагательном или каком-либо ином, кроме индикатива, наклонении. В иной коммуникативной ситуации и на каких-то иных носителях текстовой информации может, естественно, потребоваться маркировка какой-то иной нормы, скажем, уже не изъявительного, а повелительного наклонения (*Стой!*), или, например, не повествовательного, а вопросительного предложения (*А ты заплатил налоги?*), но такая маркировка, а соответственно и нормированность соответствующего речевого построения, всегда в тексте присутствует, и присутствует она даже тогда, когда функциональная для данного текста норма не совпадает с общепринятой, что довольно часто имеет место и в художественных произведениях, и в целом ряде текстов специального назначения типа шифровок, озвученных паролей, воинских команд и т. п.

Отмеченные особенности и свойства текста как синтаксической единицы дают, очевидно, возможность построить и принять такую дефиницию этого конструкта: **текст – это любое нормативное и формально завершённое речевое произведение, содержащее в себе прагматически ориентированную информацию.**

Отсюда три дифференциальных признака текста, которые определяют сущность этого феномена как синтаксической единицы и достаточно чётко, на наш взгляд, противопоставляют его и сверхфразовому единству, и любому иному лингвистическому конструкту. Вот эти признаки:

1. Обязательная прагматическая ориентация.

2. Формально-конструктивная завершённость, законченность текста как речевого произведения.

3. Регламентированная конкретной ситуацией обязательная функционально-коммуникативная нормативность.

Думается, что на наличие или отсутствие указанных дифференциальных признаков, причём обязательно всех трёх, и следует прежде всего обратить внимание при решении вопроса о квалификации той или иной речевой цепи, будь она словоформой, отдельным предложением, сложным синтаксическим целым, а равно и какой-то комбинацией перечисленных синтаксических фигур в качестве текста или не текста. Всё остальное будет касаться так или иначе только каких-то частных, хотя, возможно, и существенных характеристик текста, которые актуализируются и оказываются лингвистически значимыми лишь применительно к отдельным условиям общения.

Библиографические ссылки

1. **Гальперин И. Р.** О понятии – «текст» / И. Р. Гальперин // Лингвистика текста. Материалы науч. конф. – М., 1974. – Ч. 1. – С. 67–72.
2. **Бацевич Ф. С.** Основы комунікативної лінгвістики: підручник / Ф. С. Бацевич. – К. : ВЦ «Академія», 2004. – 343 с.
3. **Богданов В. В.** Текст и текстовое общение / В. В. Богданов. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1993. – 68 с.
4. **Каменская О. Л.** Текст и коммуникация / О. Л. Каменская. – М. : Высш. шк., 1990. – 152 с.
5. **Радзієвська Т. В.** Текст як засіб комунікації / Т. В. Радзієвська. – К. : АН УРСР, 1993. – 194 с.
6. **Реферовская Е. А.** Коммуникативная структура текста в логико-грамматическом аспекте / Е. А. Реферовская. – Л. : Наука, 1989. – 168 с.
7. **Селиванова Е. А.** Основы лингвистических теорий текста и коммуникации / Е. А. Селиванова. – К. : ЦУЛ «Фитосоциоцентр», 2002. – 336 с.
8. **Лосева Л. Н.** Как строится текст / Л. Н. Лосева. – М. : Просвещение, 1980. – 96 с.
9. **Откупщикова М. И.** Синтаксис связного текста / М. И. Откупщикова. – Л. : ЛГУ, 1982. – 104 с.
10. **Папина А. Ф.** Текст: его единицы и глобальные категории / А. Ф. Папина. – М. : Эдиториал УРСС, 2002. – 368 с.
12. **Адмони В. Г.** Грамматика и текст / В. Г. Адмони // Вопр. языкознания. – 1985. – № 1. – С. 63–69.
13. **Загнітко А. П.** Текст як лінгвістична категорія / А. П. Загнітко // Лінгвістичні студії. – Донецьк, 1997. – Вип. 3. – С. 106–133.
14. **Меньшиков И. И.** Текст как синтаксическая единица / И. И. Меньшиков // Вісн. Дніпропетр. ун-ту. Сер. : Мовознавство. – 2003. – Вип. 9. – С. 167–170.
15. **Попова І. С.** Фундаментальні категорії метамови українського синтаксису / І. С. Попова. – Д. : Вид-во ДНУ, 2009. – 432 с.
16. **Валгина Н. С.** Теория текста / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2003. – 313 с.
17. **Мельничайко В. Я.** Лінгвістика тексту в шкільному курсі української мови / В. Я. Мельничайко. – К. : Рад. шк., 1986. – 168 с.
18. **Москальская О. И.** Грамматика текста / О. И. Москальская. – М. : Высш. шк., 1981. – 187 с.
19. **Солганик Г. Я.** О синтаксической структуре текста / Г. Я. Солганик // Рус. яз. в шк. – 1984. – № 5. – С. 80–85.
20. **Тураева З. Я.** Лингвистика текста на исходе второго тысячелетия / З. Я. Тураева // Вісн. Київ. лінгвіст. ун-ту. Філологія. – 1999. – Т. 2. – № 2. – С. 19–23.
21. **Шаховский В. И.** Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвизкология) / В. И. Шаховский, Ю. А. Сорокин, И. В. Томашева. – Волгоград : Перемена, 1998. – 149 с.

22. **Лингвистический энциклопедический словарь** / под ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 686 с.
23. **Словарь современного русского литературного языка** : в 17 т. / под ред. С. Г. Бархударова [и др.]. – Т. 15. – М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1963. – 1288 с.
24. **Словарь русского языка** : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – Т. 4. – М. : Рус. яз., 1984. – 794 с.

Надійшла до редколегії 10.12.13